

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

I

В нашем дворе рос старый тополь. Ствол его был у основания толст, коряв и неровен. Зимой, сверху, с нашего десятого этажа, он напоминал оперенную ломаную стрелу, которую великан на ходу воткнул в землю, а сам пошел дальше, не оглядываясь. Некоторые тополиные корявые сучья засыхали, обламывались при сильных ветрах и со стуком падали наземь. Мелкие сухие ветки разлетались по двору, ветер носил их из угла в угол, сметая в небольшие кучки и снова беспорядочно разбрасывая. Когда кончалось цветение и вызревали семена, тополиный пух настырно лез в окна, бурунчиками носился по асфальту, поднимался в воздух, падал и вновь поднимался, попадая в глаза, в нос, в уши. Люди чертыхались, с негодованием смотрели на тополь и в сердцах проклинали его.

Видимо их проклятия были услышаны, а, может быть, так и было задумано где-то в начальственных головах, но однажды осенью, после того как листва облетела и, свернувшись в жухлые трубочки, моталась по земле, грустно шурша, во двор въехала машина с подъемным краном и маленькой клетушкой на конце стрелы. Веселые дядьки с бензопилами по очереди залезали в люльку и сверху вниз методично, для начала спилив макушку, обрели ствол все сучья. Корявый зигзаг стрелы лишился своего оперения и стал похож на сиротливо торчащий из земли сломанный коленчатый голый прут, только иных, гулливеровых размеров. Грустное это было зрелище...

Однако весной на стволе, из спящих почек, там и сям проклюнулись листья и затрепетали зелеными флажками, повинувшись даже самому легкому дуновению ветерка. Но все равно, нелепо торчащий серо-коричневый обрубок ствола не радовал глаз, привыкший не замечать его в густой, беспрестанно шевелящейся зеленой пене.

Потом мы переехали, и другие виды заслонили и почти (как думалось) вытеснили из памяти печальную эту картину.

II

Но возвращается все на круги своя!

И однажды снова весной мы оказались в бывшем нашем дворе, на десятом этаже, у того же окна. Какое же было изумление — корявый ствол, когда-то такой неприглядный и унылый, стал совсем другим: блестящая зеленая щетина из густо облиственных веток равномерно одевала его почти от основания до срезанной макушки, придавая тополи неотразимо веселый вид. И даже переломы ствола своими разновеликими наклонами, прорезающими густоту листвы и меняющими угол отражения солнечных лучей, делали старый тополь необычно кокетливым и моложавым. Будто он, лукаво улыбаясь, демонстрировал новый, доселе невиданный наряд. Казалось, тополь сначала наклоняется к тебе, потом, заметив что-то, откидывается назад; снова наклоняется, чтобы вслушаться или всмотреться в тебя, а может, и самому прошептать листвою, напомнить о том, что было когда-то — с ним, с тобой, с нами; и что оно никуда не ушло, а просто отодвинулось в сторону, но теперь вернулось, встало перед тобой, обновленное и похожее, и не похожее; напомнить о былом, которое не только было, но есть и будет, пусть чуточку другое, но неразрывно связанное твоей жизнью в единую нить бытия...

ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕД

I

В нашем небольшом дачном поселке есть маленький пруд. Вернее, запруда на речушке. В начальные времена у кого-то возникла шальная мысль перегородить ее плотиной в узком месте, выкопать нечто вроде небольшого котлована (скорее, котлованчика), чтобы потом, когда она разольется и заполнит «водохранилище», было где искупаться в жаркий день. Речушка ведь так себе — метра два-три шириной. Да и глубиной — смешно сказать — по колено. Пригнали экскаватор, бульдозер, провозились с неделю. И следующей весной образовалось озерцо, примерно метров двадцать пять в диаметре. Речка продолжила свой говорливый бег по тому же руслу, затейливо петляя среди ольховника, черемухи, непроходимых зарослей крапивы и кустов бузины. Она то убегала вперед, то возвращалась назад, и если бы можно было посмотреть на нее сверху, то весь путь речки по краю поселка выглядел бы как извилистая, прыгающая вверх-вниз строчка в тетради нерадивого школьника с круглой кляксой посередине. Каждой весной, в половодье, она вздувалась и даже иногда сносила небольшой мосток, перекинутый ниже плотины по течению; озерцо же набирало воды, вы-

ступало из берегов, заполняя окружающие его канавы и впадины. Вода понемногу спадала, оставляя там и сям лужи и лужицы; озерцо становилось похожим на неровно растекшуюся каплю чернил, окруженную брызгами, сорвавшимися с кончика чьего-то огромного пера, особенно в безветрие, когда вся эта водная россыпь отражала синее весеннее небо.

Летнее купанье, однако, как-то не прижилось; отдельные дачники ухали в воду, но не часто. К этому времени активная часть насельников обзавелась машинами и предпочитала ездить на большую речку, километрах в четырех от поселка, в которую впадала и наша речушка.

Были какие-то завиральные идеи о необходимости зарыбления «нашей лужи», как с течением времени стали называть озерцо, в целях разнообразить дачное меню свежей рыбой, но они так и остались идеями. Постепенно его заносило илом, берега оплывали, о купанье и вовсе забыли. Одно время в озерце жила выдра; изредка заплывали одинокие бобры; иногда сажались пролетные утки. По берега густо разрастался ивняк и березы. Зимой охочие до коньков любители расчищали от снега небольшую площадку, а детвора, весело вереща, каталась с невысокого, но крутого берега на ледянках и «ватрушках» до тех пор, пока не начинали проявляться на покрывавшем лед снегу мокрые пятна.

II

В этом году зима и весна были странными, вернее сказать, зимы почти не было: снег если и выпадал, то сразу же таял, так и не добравшись ни разу до сплошного покрова, а весной теплые дни сменялись резкими ночными заморозками, отчего озерцо наше, оттаяв вроде бы насовсем, покрывалось тонкой прозрачной ледяной корочкой, вновь таявшей с приходом дневного тепла.

Но все-таки, повинуюсь природе, подспудно в озерце шли свои, невидимые глазу процессы.

Какое-то время мы в наших прогулках обходили озерцо, так как топки берега мешали подойти ближе. Но однажды, после особенно сильного заморозка мы отважились — утреннее солнце еще только начинало свою работу и не успело растопить схваченную за ночь морозом землю. Посмотрев, мы ахнули: озерцо было сплошь покрыто блестящим зеленым льдом! Как если бы в обрамлении рыжей травы и черных, безлиственных еще кустов и деревьев, в лучах еще невысоко поднявшегося солнца блестел гигантский осколок светло-зеленого стекла с неровными краями. Что это? Почему? Теряясь в догадках, мы осторожно, по кочкам, стараясь не провалиться в покрытые хрупким ледком ямки, глубину которых определить на глаз было невозможно, двинулись ближе. И только тогда, когда мы подошли вплотную и пристально, наклонившись, вгляделись, стало понятно: за какие-то несколько теплых дней поверхность озерца покрылась сплошным слоем мелких чешуек рыски. И все было бы ничего, но ударил ночью мороз, и довольно сильный; рыска вмерзла в лед и окрасила его в зеленый цвет!

К вечеру лед растаял, ветер прибил рыску к берегу, волшебная утренняя картина исчезла.

III

...Повторится ли это когда-нибудь еще? Не знаю. Но оттого, что это было, было, осталось в душе ощущение пусть маленького, но праздника. Праздника, который — как сказал когда-то знаменитый писатель — теперь уже всегда будет со мной.